

ГЛАВА 6. СОВРЕМЕННЫЙ МИР: СИСТЕМА ИЛИ КОНГЛОМЕРАТ? ОПЫТ ТРАНССИСТЕМНОГО ПОДХОДА

А.Д.Богатуров

Этот текст задуман и написан как попытка усомниться во всемогуществе анализа на базе системного подхода, в русле которого автор работал всю предшествующую творческую жизнь, что не помешало ему, тем не менее, прийти к необходимости «размягчения», существенной ревизии традиционного системного понимания мира в том виде, как оно представлено в зарубежных и отечественных трудах по политологии, социологии и международным отношениям. Предлагаемая гипотеза не опровергает и не пытается опровергать системного видения уже просто потому, что она в известном смысле как раз из него произрастает. Задача главы, скорее, в том, чтобы отрешиться от абсолютизации системности и отказаться от упрощенного понимания целостности и единства социальных организмов, международного сообщества, мира в целом. Требовалось вырваться за рамки системного подхода — вот почему появилось слово «транссистемный» (то есть «насквозь прошедший» или «насквозь идущий») в заглавии этой главы.

Крайне болезненные трансформации, которые пережила и продолжает переживать Россия с момента начала реформ 90-х годов, обусловили острую потребность произвести в наших интеллектуальных исканиях поворот от преимущественного освоения *западной теории* к формулированию гипотез, которые объясняли бы *фактическое развитие* России в ее соразвитии с окружающим миром. И до него часть ученого сообщества, чудом сохранявшая способность к самостоятельному размышлению, выражала скептицизм по поводу возможности объяснить российский «феномен» только через призму западного опыта. Отечественная мысль в лучшем случае осмеливалась указать на несоответствия российских реалий «общемировым закономерностям» строительства демократии и смущенно «оправдывала» нашу действительность молодостью (?) российских реформ. Этот по-своему важный этап критического освоения западного знания был очень полезен и совершенно необходим. И все же кризис показал, что этот этап во многом — позади. Отправной точкой предлагаемого рассуждения служит констатация: привычные представления о глобализации как о нарастающей однородности мира неполно отражают многообразие живой реальности и не позволяют приемлемо объяснить, каким образом с ней соотносится российский опыт. От констатаций «несоответствия» нашей жизни той *идеальной* картине ожиданий, которая выростала из изучения западной теории, началось движение к построению

гипотез, которые объясняли бы фактическое развитие России в ее соразвитии с окружающим миром.

Одной из актуальных задач сегодня остается уточнение вопроса о траекториях мирового развития. Требуется прояснить вопрос о том, запрограммирован ли мир на уподобление Западу посредством модернизации не-Запада или на самом деле взаимодействие разнородных пластов бытования на планете происходит по более сложным законам, чем «линейно-прогрессивное» преобразование «отсталого» и «традиционного» в «передовое» и «современное».

Если окажется, что растворение «традиционного» в «современном» — всеобщая закономерность и преодоление внутренней разнородности любого общества — лишь вопрос времени, то придется признать убедительной и популярную версию о движении планеты к однородному «мировому обществу», в основе которого «по факту» будут, скорее всего, положены западные стандарты. Наоборот, если увидится, что «традиционное» и «современное» в сложно организованных обществах не обязательно «пожирают» одно другое, а, например, долго и успешно сосуществуют, дополняя друг друга, то уместно будет оспорить и сценарий «линейно-прогрессивной» трансформации в единый массив «современного», то есть либерального и демократического, мира-государства.

Смысл статьи — в попытке построить вариант такого объяснения при помощи включения в инструментарий анализа элементов «несистемного видения» процессов внутри отдельных общественно-государственных единиц и между пластами, которые они образуют в рамках планетарной общности.

I

Очевидная неместимость современных российских реалий в рамки теоретически ожидавшихся результатов «третьей волны модернизации» 90-х годов (если двумя первыми считать петровскую и большевистскую), дает основания с долей упрощения рассмотреть соотношение происходящего в России с зарубежным опытом как частный случай взаимодействия разнородностей. Поэтому и к построению искомой гипотезы логично идти через переосмысление природы связей между разнородными сегментами общественно-экономического, политического и культурно-цивилизационного бытования в формах, в которых они существуют как внутри отдельных обществ, так и между отдельными обществами и государствами в мировой политике. С этой точки зрения ключевыми объектами рассмотрения должны стать три пары отношений: системность — конгломеративность, прогресс — соположенность, интегративная глобальность — реальная мироцелостность.

Поскольку исходным объектом рассмотрения являются общества, стоит начать с уточнения типологии и подразделить их на традиционные, современные и конгломеративные, причем Россия — и это очень многое объясняет — относится к числу последних.

При этом под первыми понимаются общества, поведение членов которых основано не на рациональном целеполагании (в современном

смысле), а на опыте, традиции, ритуале, воспроизводстве устойчивых форм мышления. Основной мотив действия — следование уже известному образцу («свой путь»), а не разуму («умствование»). Модель поведения задается культурным опытом, который, как правило, выражается в изустной традиции, неписаных регламентах быта, религиозных катехизисах, сборниках изречений и т.д. В таких обществах новации выступают в известном смысле «актами бессознательного» (то есть, скорее, «интуитивными прозрениями», чем «интеллектуальными прорывами»), а сфера сознательной активности ограничивается контролем за соблюдением ранее определенных правил и норм.

В обществах второй группы, понимаемых как «современные», модели поведения строятся, напротив, с опорой на осмысление, рациональное целеполагание, нахождение завершенных форм знания («цельных картин действительности»). В «рационально ориентированной» культуре основа бытия — правила рассудочного поведения, а новации выступают как результат сознательного, рационального осмысления, искомым итогом «мобилизации интеллектуальных усилий». Современное общество в этом смысле — общество рациональное в отличие от иррационального традиционного общества.

Общества третьей группы названы **конгломеративными**¹. Под ними понимаются общества, для которых характерно длительное

¹ Наиболее распространенной в литературе остается «бинарная» типология обществ: «традиционные» — «современные». Например, британский исследователь Эндрю Вебстер в своей работе о социологии развития весьма подробно рассуждает об относительности понятий «традиционного» и «современного», подчеркивая их взаимную «диффузию» и сосуществование «внутри имеющихся социальных отношений». Но он не видит в «смешанных» обществах особого феномена. (См.: Webster A. Introduction to the Sociology of Development. L.: MacMillan, 1984. P. 57-58, 62). Такой же логики придерживается большинство отечественных авторов. Например, любопытный анализ приводят в своей статье «В чем секрет “современного общества”» В.М.Сергеев и Н.И.Бирюков, рассматривая взаимодействие «традиционного» и «современного» через призму становления общественных институтов. (См.: Полис. 1998. № 2. С. 52-63.)

Гораздо больше параллелей с излагаемой в данной статье точкой зрения обнаруживает превосходная для своего времени и теперь уже классическая в отечественной традиции коллективная работа российских авторов «Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного» под ред. Л.И.Рейснера и Н.А.Симони (М., 1984). Ее участники не только точно зафиксировали устойчивость сосуществования «традиционной» и «современной» составляющих в обширной группе стран незападных ареалов, но и ввели понятие «смешанного типа» образований (С. 160), для обозначения которых они предложили термин «синтетическое общество». По смыслу это выражение употребляется в цитируемой работе так же, как в нашей — слова «конгломерат» и «конгломеративность».

Разница, очевидно, в несовпадающем понимании «синтеза». В классической и современной западных философских традициях, включая ортодоксально марксистскую, «синтез» прежде всего подразумевает «расплав» и «слияние». В «Эво-

существование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений. Эти пласты образуют внутри общества отдельные **анклавы**, эффективность организованности которых позволяет анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся пропорции.

Значимы в такой постановке вопроса четыре момента: 1) конгломеративные общества — это мегаструктуры, опирающиеся на анклавы; 2) конгломеративность — нейтральная характеристика, обозначающая один из типов организации (обществ и мира); 3) анклавы — не остаточные явления чего-то отжившего (анклавы могут представлять и новации), а устойчивые структурные единицы конгломерата, относительная изолированность которых друг от друга не ведет автоматически ни к расцвету, ни к упадку; 4) конгломеративно-анклавный тип самоорганизации может быть и бывает инструментом чрезвычайно успешного приспособления общества к индустриальной и постиндустриальной среде.

Анклав «традиционного» не обречен раствориться в окружающей его среде. Точно также анклав «современного» не гарантировано преобладание в масштабах всего общества. Среда может стремиться поглотить анклав через распространение на него присущих ей связей. Но анклав может успешно сопротивляться ей, попутно способствуя приобретению обществом более сложной («сдвоенной», «строеной») структуры. Подобная структура способна позволить обществу, с одной стороны, адаптировать достижения техногенной цивилизации, а с другой — сохранить условия для воспроизводства архаичных трудовых мотиваций так, что последние в соединении с современной техникой дадут экономический эффект, превосходящий тот, что возможен в стране происхождения этой техники на основе характерного для нее отношения к работе и производству. Современные Китай, Япония и Тайвань — иллюстрации эффективности обществ конгломеративного типа.

Уместно предположить, что несмотря на подсознательно-негативные ассоциации, связанные с этим определением, было бы, наверное, ошибкой рассматривать конгломеративные общества как «внутренне противоречивые» (по Марксу) или «надломленные» (по Тойнби) и обреченные. Конгломеративность — ни хорошо, ни плохо, она воплощает частный вид несистемной (или «системно-несистемной») организации; и общества, организованные таким образом, не обязательно уступают по характеристикам типичным для Запада однородным обществам «системного типа».

люции восточных обществ» это обстоятельство было учтено по-своему: авторы говорили в примечаниях, что они понимают «синтез» только в значениях «соединение», «единство» — то есть в тех значениях, которые «формально-исходно» принадлежали ему в древнегреческом языке (С. 543). В этом смысле впервые термин «синтез» употребил Н.А.Симония в 1975 г.

Конгломеративность невольно выступает как оппозиция системности, хотя сама конгломеративность может быть представлена и как вариант системности — в этом смысле первая не отрицает вторую. Тем не менее оба типа общества воплощают разные типы связей.

Идея системности лежит в основе распространенного видения «стандарта» общественной организации, постулирует единство через наличие всепроникающих, относительно жестких **«сквозных» лучевых связей**, тяготеющих к однородности и однородность стимулирующих. Системная общность не обязательно однородна исходно, но она однородна в тенденции. Системность связана с представлением о единстве исторического процесса. В теории мирового развития на логике системности построены такие важные постулаты как взаимозависимость и интеграция. В свою очередь из историко-философской школы системности вышла теория модернизации, а в рамках ее историко-политического направления возникла концепция глобализации — две крупнейшие мета-идеи современности, которым предстоит таковыми оставаться в начале следующего века.

Конгломеративность как идея ничем сопоставимым похвалиться не может, и как теория она — на раннем этапе становления, отчасти оттого, что системность — высшее порождение западной науки и ныне сфокусирована на осмыслении западного опыта; в то время как конгломеративность воплощает опыт не-западный, опыт взаимодействия не-Запада с Западом. В той мере, как последний остается доминирующей силой, изучение первого остается узко направленным: исследуется то, чем не-Запад отличается от Запада и как имеющиеся различия преодолеть.

Конгломеративность тоже воплощает единство, но единство конгломерата — соединение разнотелностей, а не слитность в однородности; это единство «по внешнему контуру», через со-развитие разного, а не через слияние в одинаковом. В отличие от системно организованных общностей, конгломерат свободен от преобладания единственного типа связей. Для конгломеративного общества типичны **«несквозные», опоясывающие связи**¹. Они отличаются большей мягкостью и не рассчитаны на стимуляцию однородности. Каждый анклав в конгломерате автономно воспроизводит свой тип отношений — в этом они с позиций общества в целом «не-системны». Но анклавы взаимодействуют между собой, вступают в отношения, которые с позиций всего общества можно назвать «системными» — с чем и связано допущение о комбинированном, «системно-несистемном», типе организации в конгломерате.

Сказанное не означает, что конгломераты — «недосистемы», и что со временем они станут «нормальными» системами. Они не ста-

¹ Н.А.Симоний также удачно вброшено применительно к связям и отношениям в том, что он сам еще не называл «синтетическим обществом», определение «обволакивающие» (Симоний Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975. С. 163.).

новятся и вряд ли станут таковыми в силу веской причины: системам и конгломератам присущ разный тип взаимодействия образующих элементов.

Отношения разнородных составляющих в системах складываются по диалектической формуле отрицания отрицания. Противоположности, сливаясь, образуют новое качество, одновременно утрачивая свойства исходных частей, происходит синтез.

Отношения между разнородными составляющими в конгломератах построены не на синтезе и превращении одних форм в другие, а на параллельном — но разноплоскостном — со-развитии. Анклавы в конгломератах взаимодействуют между собой косвенно: они взаимно влияют и соприкасаются, но не сливаются, не образуют сплав, не приобретают новых качеств за счет утраты исходных. Синтез отсутствует так же, как отсутствует разрушение исходных свойств.

При этом разноанклавные элементы могут образовывать целостность. Русский, чеченский и ингушский уклады на Северном Кавказе не сплывались в «советский уклад» Чечено-Ингушской АССР, что не мешало им тридцать лет воплощать единство в рамках одной административно-политической единицы. Еврейский и арабо-палестинский уклады в Израиле ничем, подходящим на сплав, мир не поразили, но обе общины образуют целое — геополитически и политико-административно. То же можно сказать о единстве русских и эстонцев в Эстонской Республике, или русских и латышей в Латвии.

Еще показательнее пример Китая, где в пределах одной общности пласты прото-западного типа организации в прибрежных зонах сосуществуют с секторами традиционного экономического, политического и бытового поведения во внутренних районах, образуя причудливое единство, воплощенное в форме общих политических институтов и идеологии и мало ощущаемое на уровне каждодневного существования.

Во всех примерах целостность — налицо. Но она не является системной в том смысле, что не тяготеет к «сплошной однородности» составляющих. Унифицирующие связи не преобладают над автономизирующими и разъединяющими. Разнородные элементы сосуществуют, сохраняя автономию; сопологаются, но не взаимопроникают, не взаиморазрушают друг друга, порождая в процессе взаиморазрушения новые сущности. Рискнем повториться: в системе элементы взаимодействуют на основе взаимопроникновения и синтеза-сплава, в конгломерате — на основе «взаимосохранности» и соразвития в рамках общего обрамления.

Единство и выживание конгломеративных обществ достигается не через равномерное распространение однородных связей на всю толщу общественной материи, а через отстраивание комбинированной структуры, при которой общество способно развиваться в качестве целого, оставаясь состоящим из анклавов, воспроизводящих себя и свои отличия от соположенных структурных единиц.

Развиваясь в разных плоскостях, анклав способен выживать неопределенно долго. Они не паразитируют на обществе. Анклавы «традиционного», могут выполнять важные регулирующие функции даже в тех случаях, когда эти функции в силу разных мотивов не признаются или «не распознаются». Так, преодоление классового видения позволило увидеть роль, которую в превращенной форме играют родо-племенные и клановые отношения в странах Закавказья, Юго-Восточной Европы и исламских республиках России, а греко-католичество — на Украине.

В то же время снобистский отказ российских ученых от разработки важнейшего вопроса о современной политической функции архаичной русско-византийской аскезы (как традиции самоограничения, сдерживания плоти, «нормативной» скудости быта) в России отдал ее на откуп публицистов-заклинателей «мистико-почвеннического» толка. Между тем, «антисовременный» пласт этических норм, восходящих к аскетическо-православным ценностям составляет мощный анклав «традиционного» в жизни российской провинции. С одной стороны, он выступает моральной антитезой западничеству и Москве. С другой — выполняет роль поглотителя-канализатора «низового бунтарства», которое (скрытым от нас по нашему же неразумению образом!) направляется в русло «мученического терпения» (голодовки, пассивные формы протеста, «миссионерское» подвижничество лишившихся оплаты учителей и врачей) и не приобретает формы революции — как было бы уместно ожидать в условиях провала радикальных реформ.

Хотя речь шла об анклавах *традиционного*, анклав может состоять и из *современного*, то есть современное не обязательно выступает в роли доминирующей среды по отношению к традиционному. Показательные примеры — московская либерально-западническая «тусовка» конца 90-х годов на фоне консервативной провинции, слой бывшего советского партхозаппарата в Средней Азии, англоговорящая элита Индии в сравнении с остальным населением страны.

В принципе можно допустить, что тип отношений, свойственный одному анклаву, в конкретный момент может пользоваться поддержкой власти, получая благоприятные условия для экспансии в сопредельные анклав и даже их полного освоения. Но так происходит в теории. **Для конгломеративных обществ характерна устойчивая востребованность всех типов отношений** и специализация каждого анклава на той или иной функции: общество равномерно воспроизводит типы связей, характерные для всех анклавов, и прагматично пользуется этим многообразием.

Например, большинство российской элиты независимо от политических симпатий мыслит одновременно и «современно», и «традиционно». «Современно» при решении вопросов приватизации (жилья и т.п.), но «традиционно» — при отладке механизма внеинституционального управления страной, когда волевые импульсы транслируются не через официальные институты, а помимо них — через фаворитов

(если речь идет о Президенте) или через «партийные группы в непартийных организациях» (если — о практике КПРФ).

II

Конгломеративные общества представляют собой целый сектор мировой политики, хотя составляющие его страны не образуют сплошной массив, хотя его границы не легко распознаются: «быть конгломеративным» не престижно, конгломеративность воспринимается как сопутствующая «незрелости». Между тем, взаимоотношения конгломеративных и неконгломеративных составляющих международного сообщества — крупная проблема, не нашедшая удовлетворительного разрешения в уходящем веке и способная обостриться в веке наступающем.

В самом деле, международный порядок в тех формах, которые он принимал в Новое время, всегда тяготел к евроцентризму. Он во многом строился путем проецирования европейских идей общественного и межгосударственного устройства на не-европейские ареалы. И мировое регулирование — в той мере, как оно существовало в виде Лиги Наций и ООН, Бреттон-Вудских основоположений и их модификаций «группы семи(восьми)» — неизменно выступало продуктом западных интеллекта, энергии и ресурсов. Международный порядок был исходно порядком западным, в который включали (или включались сами) не-западные государства. Причем включенность в этот порядок с оговорками и неохотой (Китай) или с вождением (Прибалтика) воспринималась как знак приобщенности к высшему и прогрессивному. Имелось в виду, что прогресс со временем чудесным образом преобразит всех, мир станет подлинно единым и международное сообщество станет мировым обществом как общностью высшего порядка на базе разделяемых всеми ценностей¹.

Такое видение мировой гармонии отражает европейское понимание исторического времени как времени (прямо)линейного и необратимого («время-стрела»), а исторического процесса — как последовательно-стадиального. Его посылками являются представления об историческом прогрессе как восхождении от низших форм к высшим, от простого — к сложному и худшего — к лучшему через смену форм².

¹ Bull H. The Anarchical Society. L.: MacMillan, 1986.

² Из новых политологических публикаций на тему времени интереснее других — статья В.И.Пантина и В.В.Лапкина «Волны исторической модернизации в России», в которой авторы по сути дела говорят о «возвратно-поступательном» («волнообразном», как они пишут) времени применительно к циклам российских реформ. Это любопытное прочтение, тем не менее, не выходит по сути за рамки (прямо)линейного понимания времени, хотя и отрицает его «стреловидность» (См.: Полис. 1998. № 2. С. 39-50).

В отличие от упомянутых исследователей В.Л.Алтухов весьма энергично указал на необходимость учета нелинейных форм общественного развития (помимо спирали — зигзаг, маятниковая пульсация, петля, наложенные волны,

В свою очередь, на презумпции линейного прогресса возведена теория модернизации «традиционных» обществ, из которой следует, что вступившие на путь модернизации страны должны стать аналогами западных обществ — в других географических ареалах. С учетом настроения линейно-прогрессивного видения на растворение «низших» форм в «высших» развития, линейно-прогрессивное развитие можно назвать **«поглощающим»**.

Между тем, жизнеспособность конгломеративных обществ на протяжении длительных исторических периодов и опыт их модернизации заставляет пристальнее рассмотреть вопрос о векторах исторического времени, в рамках которого они развиваются и воспринимают новации.

«Современные» Япония, Южная Корея, Китай (и Россия, несмотря на три века модернизации) подобными Западу не стали. Они остаются многослойными структурами, в которых сосуществуют пласты «традиционного» и «современного». Объясняется ли их «слоистость» только «отставанием» от, скажем, Западной Европы в движении по шкале линейного времени? С точки зрения линейного времени устойчивость конгломеративной организации, если и объяснима, то лишь как патология «нормального» развития. С такой позиции и не может сойти изрядная часть зарубежных коллег.

Ситуация становится менее непонятной, если принять допущение о нелинейном (или нелинейно-линейном) развитии, иначе говоря о том, что модернизаторские усилия в отношении конгломеративных обществ, хотя не пропадают впустую, оказывают свое действие по иной логике, чем та, что предписывается «прямолинейным» видением истории. Импульсы новаций не приводят и не могут привести к возникновению *на месте конгломеративного общества однородной социо-культурной амальгамы «современного» типа. Они приводят к воспроизводству новой (обновленной), но тоже конгломеративной общности*, каждая из составляющих которой, восприняв «свою долю» исторических новаций «порознь», не утрачивает своей «отдельной сущности» и, следовательно, не растворяется в гомогенном общественно-государственном массиве.

Такой тип воспроизводства противоречит линейности и, напротив, указывает на иной, предположительно, спиралевидный, тип развития конгломератов во времени. Точнее, конгломеративные общества взаимодействуют с потоком модернизирующих импульсов и *по спирали, и линейно*: по спирали — на внутриобщественном уровне, и отчасти линейно — во взаимоотношениях с воздействиями внешней среды. Каждый анклав развивается одновременно и в своем собственном, «параллельном», времени, и в «оплетающем» его временном

взаимовложенные спирали и т.д.) при постановке новых исследовательских задач в своей интеллектуально весьма насыщенной работе «О смене порядков в мировом общественном развитии». (См.: Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 5-21, особ. с. 6.)

потоке, в который «вписан» весь конгломерат. Общество может, с одной стороны, воспринимать новации каждым анклавом в отдельности и постепенно в целом увеличивать в себе присутствие инновационного содержания, а с другой — сохранять стабильной свою внутреннюю структуру, то есть типичные для общества соотношения между «порознь обновившимися» анклавами.

Как очевидно, и **спиралевидное развитие**, подобно линейно-прогрессивному, предполагает взаимное влияние «современного» и «традиционного», но в отличие от него оно **не предполагает поглощения** одного другим. Напротив, спиралевидное развитие **предполагает гораздо лучшие шансы для взаимосохранности** противоположностей. Эта взаимосохранность не исключает появления у целого новых общих свойств, но эти свойства не приобретают «всепроницающего» характера и концентрируются главным образом на внешнем, обрамляющем контуре целого.

Иначе говоря, при линейно-прогрессивном развитии противоположности уничтожают одна другую или уничтожаются обе, чтобы дать новое качество целому. При нелинейном — они сопологаются рядом, образуя объединяющий их по внешнему периметру слой качеств и отношений, но и сохраняя базовые качества частей.

Конгломеративная модель способна привести к приобретению новых качеств не через разрушение свойств частей, а посредством растянутого во времени образования нового макросвойства через ряд повторяющихся, схожих, но и различающихся циклов, в процессе монотонного набегания которых друг на друга соположенные элементы испытывают взаимное влияние и меняются, но сохраняют критическую массу исходных микрокачеств.

Инстинктивно-эмоциональная непривычность такого видения может быть связана с характером отечественного образования как преимущественно западного в базово-понятийном отношении. Интеллекту в норме присуща позитивная оценка «прогресса» как универсального критерия приобщенности к высшему (достижениям цивилизации, передовым технологиям, лучшим стандартам личной свободы, творчества, быта и т.д.). Соответственно, иное, чем «прогрессивное» — спиралевидное — развитие-движение воспринимается как консервирующее косность, рутину — нечто, от чего принято избавляться (хотя бы избавиться полностью было и невозможно без разрушения органической основы жизни страны).

Констатация восприятия прогресса как последовательности смены форм не вызывает желания ни восхвалить, ни осудить ее. Во многом западное мировидение российской образованной публики — данность, на которую стоит делать поправку. Но важно помнить, что развитие на основе по-европейски понимаемого прогресса заставляет ожидать результатов в форме приобретения развивающимся субъектом нового качества через отрицание его «недостойных сохранения», «регрессивных» составляющих и опережающий рост «достойных поддержки», «прогрессивных» компонентов. Поэтому «традиционное»

(к которому нередко относят все, что не имеет аналогов в западном опыте) может казаться лишь национально своеобразной «предстадией» современного¹. Не удивительно поэтому, что образованное сознание испытывает шок, всякий раз «внезапно» обнаруживая, сколь устрашающими могут быть выбросы «иммунных ответов» на модернизацию: Чечня внутри России, Косово внутри Югославии, Белфаст — Великобритании, Баскония — Испании, Курдистан — Турции и, возможно, даже черных жителей, скажем, Северной Калифорнии — в США.

Отказавшись от одномерного видения развития через призму «стреловидного прогресса», можно перестать сетовать на живучесть конгломератов и повернуться к их изучению как исторически непреходящих субъектов — тем более, что конгломеративность и конгломераты как общественно-государственные единицы распространены шире, чем можно подумать.

Примеры конгломератов с выраженной корреляцией анклавов «традиционного» и «чужеземного» — упоминавшийся Израиль или Турция с Турецким Курдистаном. К этой же группе можно причислить и Индию, где «современное» поведение коррелируется с принадлежностью к высшим кастам, а «традиционное» — к низшим.

Как ни странно, в этот же ряд в 90-х годах стало уместно помещать и Соединенные Штаты, на глазах утрачивающие способность оставаться «плавильным котлом» разноэтничных групп. Стоит задуматься над тем, отчего с таким накалом латиноамериканское и черное меньшинство в США демонстрируют отсутствие у них желания следовать «современным» правилам поведения и, напротив, тягу к тому, что в американской литературе именуется «традиционным образом жизни». Последнее же выливается только в приспособление архаичных архетипов бытования к американским законам, в результате чего вывезенный из Африки первыми рабами инстинкт собирательства трансформируется в не осуждаемое местной моралью и легислатурой воинствующее попрошайничество «афро-американцев» на улицах американских городов.

Группу этнически гомогенных конгломератов дают Япония и Южная Корея, в которых границы анклавов «современного» и «традиционного» поведения существуют в «перемежающейся» форме: одни и те же индивиды (или их группы) воплощают в зависимости от ситуации то «современный» (в бизнесе, в городе), то «традиционный» (в быту, в деревне). К этой второй группе есть основания

¹ Показательно, что, на взгляд европейцев, до проникновения Запада в Китай истории в Китае не было — он «спал». Возможность истории-развития появилась только в середине XIX в., когда произошел первый ощутимый контакт, столкновение традиционного китайского и современного европейского. Тогда — для европейцев в большей степени, для китайцев в меньшей — проблема виделась в нахождении форм перехода к прогрессивному, передовому типу социально-экономического устройства.

отнести Россию и Китай, поскольку в обеих странах в пределах одних и тех же этнических массивов хорошо различимы анклав «современного» («меркантилистского» — по А.С.Ахиезеру¹) и «традиционного» типов поведения с той разницей, что в КНР ось соположения проходит по линии «побережье — внутренние районы», а в России она сопрягается с водоразделом «столицы — провинции».

Многообразие форм конгломератов и их относительная автономность от «универсальных» закономерностей дают основание говорить о существовании особого типа развития обществ и межгосударственного сообщества в целом. Как антипод «поглощающему» линейно-прогрессивному развитию его можно назвать **равноположенным развитием**.

Первое, линейно-прогрессивное, акцентирует неизбежность перехода одних форм (не-западных) в другие (западного или протозападного типа), «не оставляя места и перспективы» не-западным формам общностей. Порождается теоретико-концептуальный тупик, очевидность которого нарастает по мере накопления материала об устойчивом воспроизводстве не-западных укладов и возрастании их мощи — как экономической (страны Восточной Азии), так и военной (Индия).

Через второе — равноположенное — преодолевается «историко-мессианская» воинственность западной цивилизации в отношении не-западных. Равноположенность постулирует возможность неразрушительных форм взаимовлияния помимо классической триады «слияние-отрицание-синтез» и задает альтернативную парадигму обновления общества и мира при сохранении автономии и многообразия скоростей и форм развития и на базе сочетания линейного и нелинейного движения сущностей во времени. Возникает более органичное, ненасильственное обоснование цельности мира как общности, соединяющей противоположности, но не обрекающей их враждебному противостоянию в борьбе за сохранении идентичности каждой.

Равноположенное развитие не представляет фронтальной оппозиции линейно-прогрессивному. Оно одновременно и противостоит, и дополняет его, подчеркивая, что *разноорганизованные сущности могут равнополагаться, сохраняя каждая за собой достаточные перспективы на будущее*. Но признание равноположенности как альтернативы линейности означает преодоление «поглочительного», инструментально-наступательного взгляда на мир и историю в пользу «сберегающего» слитно-органического видения вселенной и своего места в ней. При внешнем благополучии нынешних «поглочительных» (в отношении природы и ресурсов) пост-индустриальной и информационной моделей «устойчивого развития», обе они обнаружили к концу XX в. относительную истощенность. Если XXI в. заставит человечество

¹ Ахиезер А.С. Оппозиция типов сознания и феномен двоевластия // Запад-Россия. Культурная традиция и модели поведения / Научные доклады. Вып. 55. М.: МОНФ, 1998. С. 9-20.

обратиться к «сберегающим» вариантам самоорганизации, которые могли обеспечить человечеству способность к восприятию новаций без расширения антропогенной экспансии в природно-вещный мир, равноположенное развитие как вариант «щадящего» взаимоотношения противоположностей (человека и природы) может определять магистраль мирового процесса так же, как до сих пор ее определяла линейность.

III

Учет равноположенности развития уберегает от одномерного взгляда на мир, но и усложняет его картину. С одной стороны, не-Запад перестает казаться несообразной помехой для планетарного торжества «современной цивилизации». С другой — возникает потребность объяснить соотношение между унификацией, постулируемой глобализацией, и феноменом равноположенности, который своим существованием намечает пределы нарастания однородности мира.

Равноположенность не опровергает глобализации как важнейшего из направляемых Западом процессов «сжатия» планеты по времени и пространству и движения мира к единству. Но она вносит в происходящее предостерегающую ноту: глобализация при ее нынешних формах представляет логику «поглощения», в то время как «обреченные быть поглощенными» составляющие мира и сам этот мир стали иными, чем они были на протяжении последних двух-трех веков, когда «поглодительная» философия складывалась и безопасно срабатывала.

К началу XXI века не-западные секторы мира не без культурного влияния Запада выработали новые стандарты миро- и самовосприятия. Возросла самооценка не-Запада, что связано с укреплением его позиций в мировой экономике (страны Восточной Азии), политике и военной сфере (Индия, Китай, исламские и латиноамериканские страны). Не-западные составляющие мира не готовы увидеть в себе лишь «предполье» Запада, которое хочет и, возможно («если будет себе хорошо вести»), сможет стать его частью. Обретение ядерного оружия Индией и Пакистаном — самые грозные аргументы против чрезмерного оптимизма на этот счет.

Более того, опыт восточноазиатских (Япония) и ряда других стран девальвировал ценность западной модели и указал на реальность приобретения не-западными обществами новых характеристик (экономическая эффективность), не уподобляясь Западу и находя оригинальные формы самосоотнесения с новациями, обобщенным выражением чего является «цитирование в конгломератах». *Конгломеративная самоорганизация не-западных обществ возникла как их иммунный ответ на модернизацию, выступив в роли избирательно-проницаемой «защитной брони»: с одной стороны, она позволяла обществам дозированно воспринимать и осваивать новации; с другой — предохраняла органические основы воспроизводства не-западных обществ от полного разрушения; с третьей — смягчала противоречия по линии «Запад-не-Запад», предохраняя их от эскалации взаимной агрессивности и «взрывного» отторжения.*

Признавая воздействие глобализации в широко понимаемой сфере экономики и финансов, не-западное сознание вряд ли готово воспринять глобализацию в качестве воплощения цельности мира. Уместно полагать поэтому, что *реальная мироцелостность не равнозначна глобальности, если последнюю понимать как воплощение гомогенной планетарной общности, в основе которой — западное цивилизационное ядро.*

Глобализация олицетворяет возникновение мощной сети общемировых связей, рост интенсивности которых придает международному сообществу качество глобальности как, во-первых, состояния возрастающей слитости, сплавленности стран и народов в планетарную общность, а во-вторых, осмысления и признания этой слитности и ее последствий. В той мере, как источником импульсов к глобализации является «индустриальное сообщество», она является вариантом «поглотительной», линейно-прогрессивистской версии философии международных отношений.

Мироцелостность, напротив, воплощает одновременно и системное единство, и суммативность субъектов мировой политики. Она вбирает в себя идеи и общемировых связей как инструментов формирования единства, и анклавной автономности равнополагающихся субъектов. Она не противопоставляет одно другому, а предоставляет каждому функциональную нишу. Достигается это за счет преодоления присущей концепциям глобализации одномерности в понимании природы связей в пределах мироцелостности. Согласно глобалистскому видению, общемировые связи — преимущественно **всепроникающие** «по толще пласта». Согласно мироцелостному — большая часть общемировых связей относится к разряду **всеоплетающих**. Но всеоплетающие связи не пронизывают всю глубину мировой материи, оставляя в ней место для анклавов и автономности. В таком прочтении целостность мира не обрекает его вестернизации, хоть и не отрицает моделирующей роли последней в современном мире.

К ограничительному пониманию глобализации как преобладающей, но не безусловно позитивной и не безальтернативной тенденции развития подталкивают изменения, которые происходят в природно-материальном мире. На протяжении тысячелетий человечество «вылуплялось» из естественной природной среды, а критерием развития считалась «удаленность от природы». К концу XX века мир достиг крайней стадии самовыделения из природы, свидетельством чего стало торжество техногенной цивилизации. Но начало нового тысячелетия может стать конечным рубежом этого вектора¹. И хотя контуры другого, органичного варианта отношения к среде просматриваются мутно, наступающий этап жизни планеты воплощает переход от эпохи инструменталистско-потребительского отношения к природной обрамляющей к ненасильственному самовстраиванию в нее обществ.

¹ *Петрухин А.* Откуда вышло и куда идет человечество. Как отвечает на эти вопросы русский ученый Никита Моисеев // Независимая газета. 1998. 10 июня. С. 16.

Связанная с этим переходом смена оценочной парадигмы низводит с пьедестала значимые для XIX-XX вв. героики борьбы противоположностей и умеряют ее привлекательность. Непривычным образом начинает терять актуальность присущая лучшим умам уходящей «старой современности» (modernity) от Маркса до Леви-Стросса склонность осмысливать мир в бинарных оппозициях. Двоичность размывается, противопоставление и противоположность перестают быть стандартной матрицей анализа. Мир начинает опасаться бинарности и искать концепции, которые позволяли бы обосновать шансы неконфронтационного существования в новом, вольно или невольно отрешившемся от биполярности мире.

Если в структурно-политическом смысле рост международной конфликтности связан с распадом СССР, то с позиций философии международных отношений современную конфликтность можно понимать и как результат попыток регулировать отношения во всех секторах международной жизни с позицией односторонне постулируемой неизбежности исходить из нормативности опыта и этики Запада.

По-своему и еще неконкретно ощущая это противоречие, автор удручающе популярного положения о «конflikте цивилизацией» образно обозначил вероятный источник роста конфликтности. Равноположенность как альтернатива «поглощающей линейности» объясняет конфликтогенный механизм конкретнее, намечая путь к разработке версий преодоления «конflikтов равноположенности».

После пятнадцати лет упоения конвергентностью стоит критичнее взглянуть на проблему единства мира и перестать относиться к нему как к завлекательно абстрактной схеме. Феномен мироцелостности слишком сложен, чтобы его изучение возможно было оставить в рамках какой-то одной аналитической парадигмы¹. Матрицы анализа требуется обогатить с учетом необходимости улавливать специфику всех составляющих современного мира — включая феномен России².

¹ Скептицизм по поводу способности системного подхода служить универсальной парадигмой исследования современных реалий в деликатной форме осмелился до сих пор выказать, кажется, только ведущий российский теоретик-методолог международных отношений М.А.Чешков. См.: Чешков М.А. Россия в мировом контексте. Глобальная общность человечеств // Мир России. Социология, этнология, культурология. 1997. № 1. С. 107-125.

² Дискуссия с целью найти способ теоретически совместить концепцию «унифицирующей глобальности через глобализацию» с фактической невозможностью описать с ее помощью мирополитическую реальность (по счастью) не затухает. Более или менее удачный ее пример — круглые столы Центра сравнительных исследований России и Третьего мира в ИМЭМО РАН, материалы которых были опубликованы (См.: Запад-Незапад и Россия в мировом контексте // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 12; 1997. № 1). Более прикладными (ознакомительно-аналитическими) были две статьи на тему глобализации, опубликованные, например, В.Кузнецовым (См.: Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2-3).

Глобализация как форма распространения западной модели самоорганизации — глубинная тенденция. Но она не обязательно «обрекает» Россию на трансформацию в часть «цивилизованного мира». Жесткое внутреннее сопротивление российского материала вестернизации в форме радикально-либеральных реформ заставляет размышлять об исторических перспективах России в контексте не только ее единства-слияния с Западом или Востоком, но и конгломеративной со-равно-положенности с тем и другим.

Равноположенное развитие не противоречит партнерству ни с Западом, ни с Востоком. Оно дает методологический ориентир для нахождения предельных рамок, вне которых попытки форсировать включенность России во внешний мир при игнорировании ее существенных характеристик могут иметь трагические последствия для России и оказаться контр-продуктивными для окружающего мира.

Поэтому с точки зрения российского государственного интереса центральная проблема ориентации среди сложностей мира — выработка Россией выверенного отношения к глобализации как важнейшему международному процессу, которым однако не исчерпывается ни многогранное содержание мироцелостности, ни перспективы планетарного развития.

* * *

Постановка проблемы о равноположенности как о равноценном варианте планетарной самоорганизации не ставит под сомнение фундаментальный факт: в мире доминируют линейно-прогрессистское видение мирового развития и воплощающая это видение модель мироустройства. Она победила в Новое время и продолжает преобладать, хотя перспективы ее доминирования перестали быть такими же благоприятными, как еще пятьдесят лет назад. Пафос сомнения адресуется не глобализации, а ее некритическому восприятию, которое угрожает дезориентацией относительно долговременных мировых тенденций: упрощения, заблуждения и зигзаги, которые могут позволить себе обладающие неограниченными ресурсами США, способны оказаться фатальными для стесненной в выборе средств России. Глобализация ставит перед ней дилемму: вхождение в Запад и сопряженная с этим вероятность саморазукрупнения до масштабов «среднезападной страны» или равноположенность по отношению к нему, но тогда — сопутствующие такому выбору самоограничения, умеренность и отказ от расточительности. Глобализация не отменяет фрагментации мира. Обе они оттеняют и дополняют друг друга, внося в мироцелостность гибкость и многообразие. Это две равноположенные, хотя и не равнозначные тенденции. И каждая способна дать парадигму встраивания национального интереса в мировую политику.